

НАТАЛЬЯ СПОСОБИНА

ПРЯДУЩАЯ

И ОЖИВУТ СЛОВА

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Наталья Способина

Прядущая. И оживут слова

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2024

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445.13

Способина Н.

Пряduщая. И oживут слова / Н. Способина — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2024 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214134-0

Солнце, горы, море... Отправляясь в отпуск, Надя даже не подозревала, что вместо заслуженного отдыха получит приключения, которых уж точно не планировала. А именно – попадет в шторм и окажется... в мире собственного романа. Древние боевые лоды, город-застава Свирь, храбрый воевода Радимир, принявший Надю за свою пропавшую сестру, – как все это стало реальностью? И главное – если это ее роман и придуманные ею персонажи, почему она не знает о загадочном побратиме воеводы ничего, кроме его настоящего имени?.. От автора Мне хотелось рассказать о простой девушке, оказавшейся в очень непростой ситуации. Она не супергероиня, с легкостью побеждающая всех врагов и заводящая свои порядки. Она не суперкрасавица, к ногам которой тут же падают сильные мира сего. Она испугана и дезориентирована, как любой обычный человек, вынужденный выживать в экстремальных условиях. Но самое главное – она каким-то образом оказалась вписана в местные предания и ей предстоит выбрать: смириться с предначертанным или же попробовать что-то изменить.

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445.13

ISBN 978-5-00-214134-0

© Способина Н., 2024
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2024

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Способина

Прядущая. И оживут слова

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Наталья Способина, 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Посвящается моим читателям, которые в далеком две тысячи девятом году полюбили героев этой истории и отправились вместе с ними в долгое и увлекательное путешествие. Вы лучшие! Спасибо вам за поддержку

Скажи мне, автор, кто я в этой саге?
Я на героя точно непохож.

Ты видишь только строчки на бумаге,
А я... ты знаешь, ненавижу ложь.

Я не хочу терпеть несправедливость,
Я злюсь, когда мой враг на шаг вперед,
Я не люблю твою дурную милость,
Ведь за нее опять предъявят счет.

Ты чью-то смерть, не думая, опишешь –
Опишешь и забудешь до поры,
А мне ведь после с этим жить, ты слышишь?
И выжить, и не выйти из игры...

Ответь же мне! А впрочем, нет... помедли.
Рассвет написанный немислимо хорош.
Мне это утро вдруг почудилось последним...
Не отвечай – боюсь, опять соврешь.

Мою усталость перепишешь в смелость,
И я, конечно же, не поверну назад...
Но знаешь, автор, мне бы так хотелось
Хотя бы раз взглянуть тебе в глаза.

Когда бессильно ветер треплет стяги,
Когда дрожит у уха тетива,
Ты видишь только строчки на бумаге...
Смотри теперь, как оживут слова.

Глава 1

Солнце поднималось над Стремной, как и сотни лет назад, все так же играя на быстрых волнах. Оно золотило верхушки деревьев и пики сторожевых башен. То тут, то там слышались привычные звуки: крик петуха, звон колодезной цепи, скрип петель и половиц, негромкие голоса. Город просыпался, готовясь к новому дню. Новому дню новой жизни.

Волны набегали на мелкие камни и откатывались обратно, оставляя после себя белую пену. С каждым разом они подбирались все ближе. С самого детства я любила море за то, что оно, бескрайнее и могучее, умело быть ласковым и теплым. Но в этот раз с морем было что-то не так. А может быть, что-то не так было со мной.

– Ну где вы там? – Лена уже стояла у подножия лестницы, ведущей с пляжа.

Оля с мученическим стоном поднялась с гальки и отряхнула шорты. Мы планировали где-нибудь поужинать и собрать вещи, чтобы завтра с самого утра выехать по выбранному заранее маршруту. В этот раз мы решили попутешествовать вдоль побережья Чёрного моря.

Вот только мое радостное предвкушение предстоящего отпуска сменилось необъяснимой тревогой. Совершенно ничем не обоснованной. Все складывалось отлично: мы с девчонками прекрасно долетели, провели два чудесных дня на море, а впереди нас ждало целых три недели путешествия и беззаботного отдыха с выключенными телефонами и запретом говорить о работе.

– Идешь? – Оля тронула меня за плечо, и я собралась было встать, но почему-то качнула головой.

– Пару минут еще посижу и догоню.

– Подходи тогда к пиццерии у памятника, – подруга окинула меня внимательным взглядом и пошла к поджидавшей нас Лене.

Я оценила ее тактичность, впрочем, понимала, что расспросов за ужином не избежать. Самое забавное заключалось в том, что ответов у меня не было. Ну не говорить же: «Что-то мне тревожно. Давайте вернемся в Москву»?

Проводив взглядом подруг, которые вдруг помчались вверх по крутой каменной лестнице наперегонки, я осмотрелась по сторонам. Для раннего вечера народу на пляже было неожиданно мало: метрах в пяти от меня собиралось шумное семейство с близнецами, а чуть дальше сидел седоволосый мужчина, то и дело бросавший камушки в воду.

Очередная волна окатила не только мои ступни, но и подол длинного льняного платья. Я вскочила на ноги и отступила прочь. Сидеть у моря расхотелось. Девчонки успели скрыться из виду, поэтому я решила прогуляться по берегу до следующего выхода с пляжа и перехватить их по пути.

Вода лизнула мои ступни, и я поежилась. Несмотря на то что было тепло, меня вдруг пробрал озноб. А ведь, собираясь сюда, я думала, что море сможет меня успокоить, как в каждый мой приезд с самого детства. Но на этот раз даже шелест волн вызывал тревогу.

Во мне будто появилась невидимая нить, которую кто-то накручивал на веретено и тянул куда-то, тянул. Странно было думать о веретене в двадцать первом веке, но с недавних пор эта тема была мне близка. Дело в том, что несколько месяцев назад я начала писать роман, хотя заниматься ничем подобным никогда не планировала. Просто вдруг в моей голове стали появляться сюжеты, в которых как раз и мелькали старинные наряды, русские печи, масляные лампы, веретёна... Эти сюжеты возникали так естественно, словно в памяти всплывали истории о хорошо знакомых людях. Почему-то я решила их записывать, хоть и была далека от писательства. После окончания университета я вот уже три года работала переводчиком, и основную часть моей работы составляли устные переводы на деловых встречах, а это никоим образом не способствовало полету художественной мысли. Да и с фантазией дело у меня всегда обстояло не очень. Именно поэтому то, с какой радостью я окунулась в новое увлечение, как легко картинки превращались в строки, должно было бы меня насторожить. Но мне было слишком уютно в выдуманном мире с вымышленными героями: красивыми, благородными, честными и такими настоящими, что мое окружение казалось порой лишь жалкой их тенью.

Тогда я еще не знала, что это не я придумала мир, а мир придумал меня и записал в свою книгу чернилами, очень похожими на кровь.

– Деда, а почему наш город называется Свирь? – Мальчик лет шести отбросил в сторону пучок травы, которым до этого натирал деревянную плоску, утер рукавом вспотевший лоб и посмотрел на белолопотоу щенка, грызущего кость неподалеку.

Его дед, чинивший упряжь, некоторое время молчал, пытаясь поймать ускользающий ремешок подпруги и соединить его с новым. Поймал, закрепил, улыбнулся: все-таки есть еще сноровка, хоть глаза уж не те.

– Потому что строили его люди, пришедшие с севера.

– Из-за моря? – ахнул малыш, вмиг позабыв о щенке.

– Из-за моря, – медленно повторил дед, оглядывая работу. – В год Большой войны. Укреплением он был, Малуш. Запасы еды здесь сберегали, приют тем, кто без дома да без защиты остался, давали. Да сигналили судам, что по реке шли. Вестовой огонь отсюда путь брал.

– А «вестовой» – это какой же? – малыш пододвинулся ближе и устроился поудобнее. Обычно дед был немногословен, но уж если что-то рассказывал, то так интересно, что дух захватывало.

– Ходоки сюда шли с вестями с внутренних земель. Оно же видишь как, – старик отложил подпругу в сторону и взялся за следующую, – город-то наш один-единственный на пути вглубь земель стоит. Пройдешь мимо него – считай, что всю землю нашу захватил.

– Да неужто нашу землю захватить можно? – засомневался малыш. – Вон она какая большая. И воинов у князя тьма...

– Воинов-то тьма. Да как их, воинов, вовремя-то предупредить? Да соседей? А княжеские суда, с северным людом уговор заключившие, вести те получали. И сами передавали. Кому голубя почтового отправляли, кому – факелом знак. Сколько благодаря тем вестям люду спаслось, один Перун знает. Только добра много земле этот город принес. Не раз он на ее защиту вставал. Башни-то да ворота видишь какие? Еще с тех времен. Да река быстрая. Говорят, ни разу враг в наш город так и не ступил. И мимо не смог пройти. Все в водах Стремны сгнули.

Старик надолго замолчал, глядя куда-то поверх плеча Малуша: то ли на башню, возвышавшуюся над деревьями, то ли на облака, потихоньку затягивавшие небо. Внук поерзал от нетерпения, а когда совсем уж было решился поторопить, дед снова заговорил:

– Название-то у него другое было. На северном языке. Но трудное оно для нашего слуха, мало его кто запоминал. А Свирь – оно понятней.

– А где же теперь те люди?

– Северяне-то? Домой они ушли, Малуш. Домой... Как птице без гнезда, так и человеку без дома невоготу. Уходили они от войны со своих земель, а здесь, в наших землях, война их еще страшнее захватила.

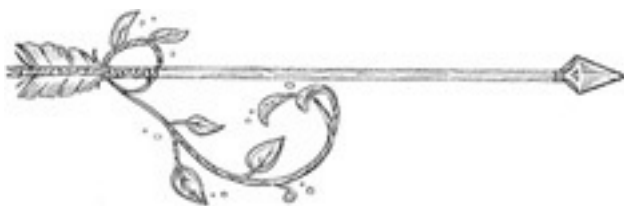
– Почему страшнее?

– Потому что чужая она для них была, война та. Не за свою землю гибли, а за нашего князя. И ушли те, кто уцелел, а город остался. Добротный они город построили. Сильные мастера были.

Поначалу меня не удивляло то, что сюжет возникал словно из ниоткуда. Имена, образы, очертания древнего города-заставы – все проступало в сознании как на проявленной пленке. Позже я пыталась понять, почему именно эти имена или названия, откуда взялись эти люди и почему они ведут себя так, и не могла найти ответа. Словно кто-то нашептывал, а мне оставалось только записывать эти странные знакомо-незнакомые сцены. Через какое-то время мне стало казаться, что я знаю Свирь чуть ли не так же хорошо, как свой родной двор. Знакомыми были чисто подметенные улочки, запах леса, шум реки за высокой крепостной стеной. Вдруг выдуманная история стала почти реальностью. Во всяком случае, настоящим миром, который где-то существует. Иногда мне казалось, что я заблудилась между этими мирами, а порой чувствовалось, что мое место там – в городе-воине, обрывающемся в холодную воду и окруженном высокой бревенчатой стеной. Казалось, что я чувствую запах древесины и смолы, слышу шелест леса и лай собак – грозы местных волков: высоких в холке, на крепких лапах, чьи предки были завезены с неведомого севера. И все сложнее было возвращаться в реальность.

Город словно манил, запутывая в своих улочках и дурманя запахами трав.

Воевода Радимир ступил на родную землю. Целых два года не было его у этого берега. Две зимы пережила его милушка, его любимая Златка,

здесь без него, две весны встретила. Вернешь их теперь разве? Ни одну слезинку, ни одну бессонную ночь не перечеркнешь, не забудешь. А уж сколько седых волос добавилось матери, да что творилось с бедной Всемилушкой, кровинушкой родной, даже думать было боязно.

Одна радость – не зря поход был. Не только славу он принес – спокойствие в родную землю. Может, теперь придет мир хоть на короткое время и забудут дорогу к родному берегу проклятые квары? Сильно потрепала их княжеская дружина, где среди прочих были и воины Радимира. Верно, нескоро оправятся. Вот только невозможно извести их навсегда. Как изведешь того, у кого дома нет? Чем припугнешь? Это каждый воин Радимира в уме дом держит: кто – жену, кто – мать, а кто – суженую. И страшно за них, мочи нет. А этих ничем не напугаешь. Жжешь корабли, топишь – так новые приходят. Они и к берегам-то только для разбоя пристают. Да такое после себя оставляют, что, раз увидев, ночами не спишь. Одно слово – нелюди.

Радимир первым сбежал по подставленному веслу и спрыгнул в холодную воду. Зачерпнул пригоршню, глотнул, умыл лицо. Дома.

Позади слышался плеск: то воины, не дожидаясь весел, прыгали в воду, поднимая тучи брызг, перекрикиваясь с теми, кто ждал на берегу. Два года ждал. Смех и радостные крики, оттого что вернулись брат, отец, сын, жених, муж, смешались с горестными стенаниями горожан, чьи глаза не отыскивали родных в спрыгивающих в воду людях. Из ушедших в поход четырех свирских лодий¹ домой вернулась половина... И теперь два года надежд утекали слезами и причитаниями.

Последним на берег сошел чужеземец. Те, кто не успел разойтись, невольно задерживались взглядом на его непривычной внешности. Уроженцы здешних краев были высоки, статны и темноволосы, чужак же был невысок и тонок, как ивовый пруттик, с волосами цвета сухой земли. Радимир обернулся и поманил чужеземца за собой. Значит, вот оно как. Сам воевода его зовет. Не рабом он приехал, выходит, – гостем.

Жизнь течет, дни сменяются днями,
Приучая к глухому покою,
Но порою тревожными снами
Ты бежишь темной, страшной тропюю,

Дрожь по телу и сердце на части,
Каркнет ворон в сплетении веток –
Ты вдруг видишь себя настоящим...
Только все исчезает с рассветом.

¹ Лодья (ладья) – морское и речное парусно-весельное судно славян VI–XIII вв., затем поморов, приспособленное для дальних плаваний. Длина до 20 метров, ширина до 3 метров. Принимала до 60 воинов. Вооружение: таран, метательные машины. Строительство лодий прекращено в России в начале XVIII в. (Морской словарь).

Глава 2

Я брела по пляжу, держа в руке намокшие босоножки, и размышляла о своем романе. Там река Стремна впадала в море. Я не знала, было ли то море ласковым или же грозило волнами крутому берегу. В моем воображении четко отпечатался только стоявший на Стремне город-застава Свирь. Будто именно он был центром всего и оправдывал своим существованием существование целого мира.

Дойдя до лестницы, я остановилась, передумав догонять девчонок, и оглядела пляж. Семейство уже ушло, а мужчина все еще был здесь. Он сидел, опираясь локтями на согнутые колени и низко опустив голову. Мелькнула мысль вернуться и спросить, все ли с ним в порядке, но в этот момент мужчина вскинул голову, подставляя лицо ветру. Зрение не позволяло мне его толком рассмотреть, но, кажется, у него все было хорошо. Поймав себя на том, что стою и пялюсь на чужого человека, я поспешила отвернуться.

Длинный высокий пирс, уходивший в море метров на пятьдесят, оказался пустым, и я решила немного по нему прогуляться. Именно это решение стало точкой, разделившей всю мою жизнь на до и после.

До конца пирса дойти я не успела. Ветер поднялся внезапно, как будто над морем кто-то включил гигантский вентилятор. Я обернулась. Волны, еще секунду назад добежавшие едва до середины пляжа, врезались теперь в ограничивавшую его каменную стену. Обломок брошенного яркого зонтика, забытая кем-то плетеная сумка, ветки, сложенные из камней пирамидки – все это в мгновение ока оказалось смытым водой. Я отыскала взглядом мужчину. Он стоял посреди набегавших волн, явно не собираясь никуда уходить, и успевшая было зародиться во мне паника отступила. Раз местные ведут себя спокойно, значит, такая резкая смена погоды – обычное здесь явление. К тому же пирс возвышался над водой метра на два, так что мне явно ничего не грозило. Успокаивая себя подобными мыслями, я все-таки двинулась в сторону пляжа.

Волна, поднимавшаяся рядом со мной, как в фильме про конец света, обрушилась на пирс и сбила меня с ног, каким-то чудом не смыв в море. Упав, я ссадила о камень ладонь и, кажется, разбила коленку. Во всяком случае, ее тоже защищало от соленой воды. Решив на этом закончить прогулку, я вскочила на ноги, подхватила намокший подол и бросилась к берегу.

Следующая волна встала прямо на моем пути, будто стихия решила сыграть со мной в жестокую игру. «Наверное, именно так видят море серферы, когда ловят свою волну», – невпопад подумала я за миг до того, как вода обрушилась на меня сверху, смывая с пирса и унося прочь от берега, точно щепку.

Море было моим другом с самого детства. Став взрослой, я включала шум прибоя, если не могла уснуть или мне нужно было успокоиться. И вдруг море так меня подвело. Эти глупые мысли бились в голове, пока я отчаянно боролась с волнами, швырявшими меня из стороны в сторону, как куклу. Шансов победить в этой игре со стихией не было. Когда пятая по счету волна накрыла меня с головой, я, наглотавшись соленой воды, с трудом вынырнула и поняла, что, кажется, это моя последняя возможность увидеть небо и сделать вдох.

Небо, как назло, было серым и хмурым и сливалось цветом с грохочущими волнами. Я попробовала разглядеть берег, но поняла, что не знаю, с какой он стороны. Очередная волна хлестнула меня по лицу, и стало ясно, что это действительно конец. Сил держаться на поверхности почти не осталось.

– Помогите! – попыталась крикнуть я, но вновь глотнула воды и ушла под воду.

Как же глупо было погибнуть вот так: нелепо и неожиданно. Всю жизнь быть осторожной, рассудительной, занудной перестраховщицей, а в итоге оказаться смытой в море и погружаться теперь все глубже, чувствуя, как в голове звенит от недостатка кислорода.

А ведь девчонки ждут меня у кафе. А дома ждут родители. Я в отчаянии взмахнула руками и вынырнула в очередной раз, не понимая, что собираюсь делать, просто зная, что погибать вот так, бессмысленно, не хочу. Вдруг что-то твердое ткнулось мне под локоть, и оказалось, что у меня еще оставались силы испугаться. Воображение успело нарисовать акулу, но на моих глазах волна подбросила ввысь большой обломок то ли коряги, то ли деревянного мостика, и я потянулась за находкой.

Не сразу, но мне удалось ее поймать. Уцепившись за скользкое дерево и старательно отгоняя ассоциации с классикой кинематографа, я попыталась отдышаться и оглядеться, чтобы понять, в какую сторону грести. Но берега не было. Нигде. Мое сердце ухнуло в желудок, а потом подлетело к горлу. Как это возможно? Меня ведь смыло несколько минут назад. Где фонари с набережной, которые включались при первом намеке на сумерки? Где освещение центральной площади? Не могло же море затопить целый город? Он ведь высоко!

Некоторое время я еще старалась осмыслить случившееся, но потом поняла, что важнее решить, что делать дальше. Пока единственным адекватным действием казалось оставаться на месте и ждать помощи. Это было разумно, логично и... до ужаса страшно, потому что я была совсем одна и, насколько хватало глаз, видела лишь бескрайнее море, ошестившееся свинцовыми волнами.

Стуча зубами от холода, я попыталась себя подбодрить, сказав вслух:

– На дворе двадцать первый век. Меня непременно найдут.

Однако мой голос прозвучал так жалобно, что я невольно всхлипнула.

Господи, кому я вру? Кто будет меня искать? Мы же здесь дикарями! Мы не зарегистрированы ни в одном отеле! Оставалась надежда на девчонок, которые, когда им нужно, кого хочешь достанут. Но сколько времени у них на это уйдет? Буду ли я еще жива к тому моменту?

Стараясь подавить панику, я изо всех сил напрягала слух, чтобы не пропустить шума мотора, гула вертолета, хоть чего-нибудь, но слышала только плеск успокаивающихся волн. В голове крутились мысли о человеке, оставшемся на берегу. Видел ли он, что меня смыло с пирса? Сообщит ли он спасателям? Жив ли он сам?

Почему нам всегда кажется, что беда – это то, что происходит с другими? Почему к ней невозможно оказаться готовым?

Тщетно вглядываясь в бескрайнее море, я отплевывалась от бивших в лицо волн и изо всех сил сжимала холодное дерево. В голову почему-то лезло, что мой последний перевод про ледники так и остался неотредактированным. Вроде бы было не срочно, а теперь... И мой роман запаролен на ноутбуке. Последнее особенно огорчало. Вдруг бы мне за него премию какую-нибудь дали... посмертно. Из моего горла вырвался нервный смешок, тут же превратившийся в еще один всхлип.

Небо решило поддержать мое настроение дождем.

В первый раз в жизни меня накрыло волной глухого отчаяния. Скоро совсем стемнеет, а в темноте шансы быть обнаруженной в открытом море стремятся к нулю. И самое ужасное – я никак не могла повлиять на ситуацию. Кто я против могучей силы природы? Чем я для нее отличаюсь от щепки или мусора, случайно оказавшихся в воде?

Я дрожала от холода, а мои зубы стучали так громко, что, появившись здесь моторная лодка, я бы ее не услышала. В голове крутились мысли об акулах и десятках метров глубины под ногами. И какими же мелкими и незначительными казались мне сейчас все мои прежние страхи и проблемы! Вечные претензии и требования со стороны мамы, отстраненность отца, несложившаяся личная жизнь, да даже моя сумасшедшая безответная любовь к преподавателю в универе выглядела сейчас мелкой и ничтожной по сравнению с этим бескрайним морем.

Ночь наступила внезапно, как бывает только на юге. Минуту назад пространство вокруг было просто серым – и вот оно уже чернильно-черное, как будто кто-то невидимой рукой нажал на выключатель. Я с детства панически боялась темноты. Мне всегда мерещились чудовища

в углах комнаты и в сумеречных очертаниях предметов. И вот теперь неразличимые в темноте капли дождя шуршали, стучали по воде и шлепали по моему лицу, населяя мир вокруг воображаемыми монстрами. Не знаю, почему я не разжала руки и не позволила ледяной тьме поглотить меня и утянуть в глубину. Наверное, где-то на краю сознания билась мысль, что это все ненастоящее и происходит не со мной. Слабые попытки позвать на помощь закончились сорванным голосом. Разумеется, на зов никто не явился.

Какое-то время я прислушивалась к плеску волн и стуку собственных зубов, а потом прошептала, сама не зная, к кому обращаюсь: «Пусть что-нибудь случится. Пожалуйста. Я больше так не могу. Я согласна на все».

Стоило мне замолчать, как во тьме появилось пятно. Пятно было странным – расплывчатым и покачивающимся. Но это был... свет. Свет – это значит люди. Это значит тепло, спасение. Меня сейчас подберут. Ничего не закончено!

Однако эйфория быстро уступила место панике. Тусклый свет приближался, но кто сказал, что на лодке меня увидят? Это же море. Оно бескрайнее, и в нем каждый год пропадают десятки людей. Сколько из них перед смертью задыхалось от надежды, до последнего не веря, что спасительное судно пройдет мимо, попросту не заметит?! Я снова попыталась закричать, но перетруженные связки выдали лишь еле слышный хрип. Попытка высунуться сильнее из воды едва не закончилась потерей коряги. Мне оставалось только молиться, чтобы этот тусклый покачивающийся свет не исчез и не прекратил приближаться.

Я никогда не думала, что буду на что-то смотреть с такими надеждой и верой, шепча про себя: «Пожалуйста... пожалуйста... иди сюда... Я здесь...»

Свет приближался, не меняя направления. Он будто слышал и двигался точно на меня. Но вдруг, невзирая на отчаянную надежду, в мой затуманенный усталостью и страхом мозг пришла первая тревожная мысль: почему не слышно мотора? Спасательный катер не может идти бесшумно. Впрочем, я тут же попыталась себя успокоить: вероятно, они выключили двигатели. Я ведь не была сильна в судоводных вопросах и спасательных операциях и понятия не имела, как это все происходит. Но неясная тревога не отступала. За первой мыслью пришла вторая: свет движется не от берега. Я не могла объяснить свою уверенность, но вдруг четко поняла, что земля – в другой стороне. Внутренний голос пытался остудить подозрительность, убедить, что мои нелепые сомнения – это от усталости и шока, но что-то не давало мне покоя. И мгновение спустя я поняла что: свет подрагивал. Не мягко покачивался на успокоившейся глади воды, а именно подрагивал. Как будто он был... не электрическим. Вспомнились фильмы про древних мореходов и отчего-то факелы.

Спустя еще мгновение я подумала, что зря так опрометчиво умоляла этот огонь приблизиться, потому что ужас сковал меня почище холода. Из темноты, разрезая килем редкий туман, тихо шла... деревянная лодья. С поднятых весел слетали капли воды, а мутный свет, еще минуту назад дававший надежду, выхватывал из темноты оскаленную морду какого-то чудовища, украшавшую нос. Мозг попытался найти логичное объяснение увиденному – от сна до поклонников ролевых игр, забравшихся слишком далеко от берега, – когда я услышала жуткий визг. И не сразу поняла, что он мой.

Рисовала воздушные замки,
Сочиняла принцесс и драконов,
Презирая границы и рамки,
Создавала иные законы.

Забиралась на шпили и крыши
И беспечно ходила по краю.
Мир молчал, мир, казалось, не слышал,

А потом вдруг сказал: «Поиграем?»»

Глава 3

Сознание возвращалось медленно. Сначала вернулись звуки: плеск волн, крики чаек и негромкие чужие голоса. Потом вернулось обоняние – пахло деревом, солью, морем и... псиной. Я попыталась пошевелиться – и мой затылок прострелила острая боль. Запах усилился, вызывая тошноту. Мерное покачивание палубы только все усугубляло. Приоткрыв один глаз, я увидела над собой серое предрассветное небо, расчерченное полосами темных облаков. Где-то рядом горел фонарь, отбрасывая пляшущие тени на борта лоды. Еще одна попытка пошевелиться привела к очередному приступу тошноты.

– Очнулась, что ли, девонька?

Голос прозвучал совсем рядом, и я невольно дернулась, стараясь отодвинуться подальше от его обладателя. Плечо уперлось во что-то острое, и шуба (или что это было: лохматое и пахнущее псиной?) начала сползать. Я распахнула глаза, поняв две вещи: под шубой на мне ничего нет и я действительно нахожусь на борту деревянного судна. Спасительную мысль «это сон» отогнала острая боль в горле и затылке. Во сне ведь ничего болеть не может, правда?

Говоривший сидел рядом, глядя на меня из-под повязки, стягивавшей его лоб. Я бы не взялась определить его возраст. Волосы под повязкой были седыми, но глаза смотрели зорко. Да и руки, не перестававшие вязать рыболовную сеть, двигались проворно и ловко.

– Где я? – произнести это вслух почти не получилось, но он понял.

– Позади все, – сказал он и вдруг улыбнулся обветренными губами.

«А вот это еще вопрос!» – подумалось мне. Но испугаться всерьез не получилось. Наверное, для моего мозга все случившееся оказалось непосильным испытанием, и он пока решил просто принимать все как есть.

– Где моя одежда? – снова проскрипела я.

Горло драло нещадно, но по сравнению с общим положением вещей это, пожалуй, было мелочью.

– Сушитесь, – он снова улыбнулся, а потом добавил: – Ох и напугала ты нас, голубка! – и посмотрел при этом так, будто... Будто он меня знал!

– Я... Кто вы?

– Я Улеб. Не признала? – ответил он так, словно это все объясняло.

Улеб. Такое имя встречалось только в книгах про Древнюю Русь. Неужели правда ролевики? Но тогда тем более откуда я могу его знать? Это какой-то розыгрыш? И все же что-то удерживало меня от того, чтобы потребовать прямого ответа, поэтому я просто осторожно произнесла:

– Хорошо... Улеб. Я... нет, не признала.

После этих слов мужчина слегка нахмурился и отложил в сторону снасти.

– Ты потерпи, – зачем-то сказал он. – Скоро воевода придет.

Воевода? Я сцепила руки в замок под невыносимо пахнущей шубой и попыталась не трястись.

– К-куда мы плывем?

– К берегу.

– Господи! Я понимаю, что не в открытое море. К какому берегу? – шок наконец начал отступать, и меня все-таки затрясло. Прижав ладони к лицу, я попыталась не зарыдать в голос.

– К нашему, девонька. Да ты не тревожься так. Ишь, дрожишь, как птица. На вот, выпей.

Моей руки коснулось что-то прохладное. Я осторожно села и посмотрела на протянутую кружку. Она была деревянной, с коваными обручами. Несколько секунд я как замороженная разглядывала кружку, понимая, что видела что-то подобное лишь в музеях или на картинках.

– Я не могу. Меня вырвет, – наконец ответила я.

– Не вырвет, девонька. Пей.

В кружке оказалось что-то похожее на квас, только с запахом трав. Жидкость была теплой и вопреки ожиданиям неплохой на вкус. Но самое удивительное – желудок почти сразу успокоился.

– Мне нужно одеться, – твердо сказала я, возвращая кружку, и, спохватившись, добавила: – Спасибо.

Человек усмехнулся в бороду. Совсем по-отечески.

– Да разве на тебя тут одежду найдешь? Разве что Олегову? Так он... сам, – Улеб сделал странный жест куда-то за борт, а потом встал с ловкостью, которая мне была, пожалуй, недоступна, особенно на качающейся палубе, и отвернулся, чтобы уйти.

– Куда вы? – пролепетала я, вдруг представив, что останусь одна среди... среди... незнакомых людей.

О да! А этот товарищ, назвавшийся странным именем, мне, конечно, знаком. И у него, конечно, самые добрые намерения. Я сглотнула, вновь почувствовав тошноту.

– Вернись, девонька. Отдыхай пока.

Он скрылся за куском плотной ткани, свисавшим с палубы (или как она правильно называлась?), я же глубоко вздохнула, поморщившись от запаха псины, и начала осторожно оглядываться по сторонам. Я лежала на широкой деревянной скамье у борта. Утренний ветер трепал грязную ткань, которой была отгорожена эта часть лоды. Скучный свет кованого фонаря выхватывал корабельные снасти и деревянные части судна. Почему мне на ум пришло слово «лодья», когда я увидела надвигавшегося на меня монстра, я не знала. Возможно, оно называлось как-то иначе.

Все здесь было именно старое, а не стилизованное под старину. На деревянном дне я не заметила стыков, будто судно было выдолблено из цельного ствола, и я даже не могла себе представить размер дерева, использованного для его изготовления. Борт, к которому крепилась скамья, был дощатым и пах смолой. Доски здесь соединялись металлическими скобами, покрытыми ржавчиной. Я не могла этого объяснить, но казалось, что судно насквозь пропахло морем и ветром. А еще оно словно дышало. Как любая вещь с долгой историей. Сколько бы денег ни вложили в него современные любители старины, вряд ли они добились бы подобного результата. Да и Улеб не походил на дядечку из соседнего двора. Весь его облик был каким-то нездешним: несвежая повязка на лбу, кудрявая борода, мозолистые ладони...

Несмотря на головную боль, я села, прислонившись к борту, и за неимением ничего лучшего натянула на себя вонючую шкуру. Что происходит?

Я принялась прислушиваться к разговору мужчин, силясь понять хоть слово. Говорили тихо. Голоса были низкими и незнакомыми. Внезапно речь стала быстрой, взволнованной, и послышались тяжелые шаги. Кто-то бежал в мою сторону. Я сжалась на жесткой скамье.

Тяжелая ткань отодвинулась, и в пятно света шагнул Улеб, а за ним показался человек, первое впечатление от которого я могла бы описать одним словом: витязь. Он был высоким и могучим. Если бы здесь был потолок, так бы и напрашивалось «подпирает потолок». Услышав от Улеба «воевода», я ожидала увидеть человека как минимум средних лет, но мужчина был неожиданно молод. Широкие плечи под свободной рубашкой, кожаный ремень с ножнами, из которых... торчала рукоять ножа. Почему-то мой взгляд зацепился за эту косяную рукоять и никак не мог оторваться. В мозгу набатом стучала мысль: это же настоящий нож и его обладатель наверняка умеет им пользоваться. Я сглотнула и, заглянув в лицо мужчине, постаралась рассмотреть его черты при довольно скудном освещении. Темноволосый. Кажется, темноглазый – с такого расстояния понять сложно. Пожалуй, я бы даже назвала его красивым, если бы в тот момент мне не было так страшно. Волосы длиной как у Улеба – чуть касаются плеч. На лбу тоже повязка – то ли ранен, то ли чтобы волосы не мешали. Правильные черты

лица, волевой подбородок. Несмотря на молодость, в нем угадывалась властность. Впрочем, чего еще ожидать от воеводы...

Мужчина несколько мгновений пристально меня разглядывал, а потом бросился ко мне и вмиг очутился на коленях рядом со скамьей. Могучие руки оказались неожиданно бережными: подхватили меня под спину, прижали к широкой груди. Его влажные волосы касались моего лба, а он все раскачивал меня и повторял как заведенный:

– Семилка... Семилушка...

Имя отозвалось тупой болью в затылке. Я откуда-то его знала, только в тот момент не могла понять откуда.

На миг мне показалось единственно верным решением оттолкнуть этого человека и сказать, что я Надежда, Надюша, как называла мама. И вообще, это все – сон. Но сильные руки продолжали гладить меня по волосам, больно цепляясь за них мозолями, и я не смогла выдавить из себя ни звука.

Наконец он отстранился и посмотрел мне в глаза. В его взгляде было столько боли, что я невольно отшатнулась.

– Все позади теперь. Все прошло. Отдыхай.

Я заторможенно кивнула и позволила уложить себя на скамью и закутать в шубу. Мне нечего было сказать. Я вдруг с пугающей очевидностью поняла, что это все настоящее. Не бутафория, созданная по капризу богатых людей, а настоящий корабль. И Улеб, поправивший на мне отсыревший мех и повторивший в сотый раз «все позади, отдыхай», тоже настоящий. Как и мужчина, во взгляде которого облегчение мешалось с болью. Самым естественным в тот момент мне показалось заплакать, чтобы вместе со слезами ушли стресс и страх. Но я не могла. У меня просто не осталось сил. Я вдруг почувствовала, что погружаюсь в какую-то вязкую муть. Меня бил озноб, и в этом мутном мареве на грани яви и обморока кто-то настойчиво повторял одно и то же имя: «Семила...» – хрипло, сорванно, неверяще.

Я хотела попросить его замолчать, но вместо этого потеряла сознание.

Шелест волн, крики чаек, и снасти скрипят...
Этот мир говорит, он дурманит, он дышит.
Тот, оставленный в прошлом, зовет назад,
Только с каждой минутой все тише и тише.

Глава 4

Последовавшие за этим дни я помнила смутно. В редкие минуты просветления я чувствовала мерное покачивание судна и странный, непривычный запах корабля. Свистел ветер, скрипели канаты, порой кричали чайки, неподалеку звучали незнакомые голоса. Я не могла с уверенностью сказать, реальность ли это, – настолько бредовой казалась вся ситуация. Рядом со мной постоянно кто-то находился. Иногда это был человек, назвавшийся Улебом. Он негромко говорил что-то сорванным, простуженным голосом, что-то уютное и успокаивающее, или пел старинные песни, слов которых я не могла разобрать. Чаще же на палубе рядом со скамьей, служившей мне постелью, сидел тот самый мужчина, которого Улеб назвал воеводой. Он то и дело давал мне горькое питье, гладил по волосам и почти ничего не говорил. Но рядом с ним мне почему-то было очень спокойно. Иногда даже казалось, что это вовсе не кошмар, что все так и должно быть. С этой мыслью я вновь впадала в беспамятство.

Приходя в себя, я каждый раз чувствовала, что меня бьет озноб, к которому прилагалась жуткая боль в горле. Во рту ощущался привкус трав, а губы болели. Видимо, когда я была без сознания, травы вливали в меня силой. В одно из пробуждений я услышала слово «лихорадка». Это слово было каким-то старомодным, и я – дитя двадцать первого века – в те минуты еще не осознавала всей опасности ситуации. Здесь не было антибиотиков, здесь не было врачей. Здесь не было ни-че-го.

Окончательно я пришла в себя уже на берегу, в небольшой комнате, пахнувшей деревом и травами. Сквозь приоткрытые ставни пробивался солнечный свет. Мне показалось, что вдалеке слышится плеск волн. Поворачивать голову было больно, но я все же осмотрелась вокруг. Стена, возле которой стояла кровать, оказалась боком глиняной печи. Рядом с кроватью располагался большой деревянный сундук, а вдоль противоположной стены под окном – длинная скамья, на которой была сложена одежда. Дальше я увидела дверь, ведущую, как я предположила, в соседнюю комнату. Под потолком, то там, то тут, висели связки каких-то трав. Я лежала на мягкой постели, укрытая теплым одеялом по самый подбородок. Лоб приятно холодило что-то мокрое, а от компресса на груди пахло медом. Нестерпимо хотелось пить. Тело не слушалось, будто чужое.

Я сглотнула и закашлялась. Кашель был сухим, а мышцы отозвались тупой болью.

Не успела я отдышаться, как дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошла странно одетая пожилая женщина. Ее волосы были убраны под платок, завязанный каким-то необычным способом, так, что концы переплетались надо лбом. На ней было длинное простое платье светло-серого цвета и темный фартук с влажными пятнами. Наверное, мой кашель отвлек ее от домашних дел.

– Проснулась? – Ее улыбка светилась искренней радостью. – Хвала Матери-земле! Девочка моя! Мы уж и не чаяли.

Женщина неловко всплеснула руками и от этого жеста стала казаться гораздо моложе. Она несколько секунд просто стояла посреди комнаты, словно не могла решить, что ей делать дальше.

– Я сейчас, – наконец произнесла она и быстро вышла.

Я не мигая смотрела на опустевший дверной проем и старалась успокоиться. Это все ненастоящее. Это не может быть правдой. Если повторить эти слова несколько раз, может, комната исчезнет?

Женщина вернулась быстро, держа в руках большую глиняную кружку, из которой шел пар и привычно пахло травами. Я чувствовала себя слишком разбитой, чтобы спорить или что-то выяснять прямо сейчас, к тому же после травяных отваров мне становилось чуть лучше. Это, пожалуй, было тем немногим, что отчетливо запомнилось мне из периода беспамятства, кроме

присутствия воеводы: плеск волн, запах трав, прогоняющий дурман хоть на время, и молчаливое присутствие незнакомого мужчины...

Я попыталась сесть, и женщина, поставив кружку на сундук, пришла мне на помощь. Благодарно улыбнувшись, я устроилась на подушках поудобней. Такой слабости я не испытывала давно – каждое движение требовало невероятных усилий. Приняв протянутую кружку, я глотнула теплой жидкости. Горьковатый вкус уже казался привычным. Сделав два больших глотка и почувствовав, как согревается все внутри, я снова улыбнулась и увидела ответную улыбку – искреннюю, как если бы эта женщина улыбалась близкому человеку, из-за болезни которого не спала ночами и сходила с ума от переживаний. Я посмотрела на кружку, которую все еще держала в руках, и пробормотала слова благодарности. Мне было немного неловко за причиненные неудобства. Свалилась вот так на голову чужим людям, доставила беспокойство.

Получив в ответ еще одну улыбку, я задала вопрос, показавшийся мне вполне естественным:

– Где я?

Глаза женщины, некогда, наверное, синие, а теперь светло-голубые, словно выцветшие, на миг расширились, а потом она быстро обняла меня, прижав мою голову к груди. Я не успела удивиться этому жесту, как над головой раздался шепот:

– Голубка ты моя бедная, сколько же тебе выпало. Радим сам не свой. Посерел за это время. Ну, ничего... ничего. Наладится все. Слышишь? Как-нибудь наладится. Ты только не думай о том больше и не бойся ничего. Слышишь? Не вспоминай! Теперь ты дома.

Как бы ни была я ослаблена после болезни, мой мозг работал на удивление четко. Из всей речи я выделила два слова: «Радим» и «дома» – и мне захотелось рассмеяться. Я не видела причин, по которым не должна была этого делать. Да я и не смогла бы сдержаться. Звук, похожий на всхлип, вырвался из моей груди. Через секунду я уже хохотала, размазывая слезы по лицу, а женщина то прижимала мою голову к себе, то, наоборот, отстраняла, чтобы поцеловать в висок или в лоб. А я все смеялась и смеялась и никак не могла остановиться. Потому что здраво принять эту ситуацию было невозможно.

– «Дома» – это где? – задыхаясь, выдавила я, уже зная ответ.

– В Свири, доченька, – полушепотом прозвучал голос матери Радимира.

Когда Радимиру было шесть весен, его отец, воевода Всеслав, привел в дом меньшицу – младшую жену. Добронеге невзлюбить бы девчонку, извести со свету, да, видно, имя, данное матерью, впору пришлось, потому и не могла она думать худо о Найдёне. Ишь, имя-то. Девочка была сиротой, и подобрал ее воевода Всеслав, проезжая Ждани. Страшный огонь в тот год по Ждани прошелся да не пощадил ни старых, ни малых. Сказывали, первый дом от кварской стрелы занялся. Видно, так и было, потому что засухи в то лето не было, а свои нипочем бы так не сделали. Дворы в Ждани стояли кучно, и как бы ни был сосед нелюб тебе, коль его дом загорится, так твой двор после будет. Потому-то редкие пожары всем людом тушили. Да тот – самый страшный – ночью начался. Пока спохватились, тушить почти нечего было.

Кто-то так и не проснулся, кого-то крик скота разбудил, а все одно – спастись тогда мало кому удалось.

Всеслав отправился в Ждань с обозом – зерно да мед князь выжившим послал. С тяжелым сердцем назад ехал. Все на свой дом примерял. А как бы Радимка с Добронегой вот так: голодные да без крыши над головой в зиму?

Его отряд заметно возрос числом: люди оставляли выжженный город. То тут, то там вместо привычных лиц виделись настороженные, чужие, еще до конца не верящие, что на них милость богов пала и оборонила от голодной зимы. Из воинов Всеслава кто рядом с конем шел, кто в седлах с детьми сидел. За плечом всхрапнул конь Улеба. Всеслав обернулся и не смог сдержать улыбку: перед верным другом, вцепившись в гриву коня, сидел мальчонка лет пяти. Улеб, заметив взгляд Всеслава, усмехнулся в бороду:

– Любава все сына хотела, да Мать-Рожаница одних девок ей посылает. А мне вот Перун парня подарил, – Улеб потрепал мальчонку по вихрастой голове.

Всеслав снова улыбнулся. Был он немногословен, и к тому давно привыкли.

В двух верстах от излучины реки отряд нагнал тонкую фигурку. Девушка посторонилась, пропуская воинов.

– Это же Найдёна, – крикнул кто-то в толпе.

Всеслав пригляделся. Девушка была чумаза и боса. Легонькое платьишко вряд ли спасало от не по-летнему прохладного ветра. Покрасневшие руки сжимали узловатый посох, к которому был привязан маленький узелок, – вот и все пожитки. У некоторых погорельцев и то добра больше осталось.

– Куда идешь, красавица? – крикнул один из воинов Всеслава.

Девушка в ответ лишь улыбнулась и махнула рукой вперед.

– Немая она, – пояснил кто-то из жданцев, – сирота. У повитухи нашей жила. Да та два месяца как преставилась. А она теперь так... сама по себе.

– Не дело, – коротко сказал Всеслав.

– Она хорошая, – робко подхватил другой голос. – Не говорит только.

– Да что там не говорит? – сварливо отозвался третий. – Слабая она. Ни работать не может, ничего. Кто такую в дом возьмет?

– Тебя же взяли, а ты от работы, как от крапивы, бегаешь, – ответил первый голос.

Начался спор. Странный люд, однако. Стоило чуть ожить, увериться, что впереди не голодная зима, а теплые дома соседней Свири, как тут же сердца зачерствели. Ровно не люди, а звери лютые.

Всеслав не стал вмешиваться в спор. Мать-земля им судья. Молча спрыгнул с коня и шагнул к девушке. Та чуть отступила, но смотрела открыто, без испуга.

– Поехали, – мозолистая рука на миг повисла в воздухе, и тут же ее доверчиво тронула девичья ручка.

Добронегя не сказала ни слова в укор. Сама провела по дому. Сама натопила баню. И как к кровинушке привязалась к молчаливой и улыбчивой Найдёне. И горевала, как по кровной сестрице, когда спустя две зимы увяла та, как цветок полевой, оставив после себя маленькую дочку – Всемилушку.

На чашах весов быль и небыль; натянуты нервы, –
На будущем дымка, а прошлого будто не стало.
Ты больше не автор, ты даже не главный, не первый...
Вот только судьбе показалось и этого мало.

Глава 5

Следующие несколько дней были похожи один на другой. Организм поправлялся медленно. Все время хотелось спать, и не последнюю роль в этом играли отвары, вливаемые в меня Добронегой. Мне казалось, что я на всю оставшуюся жизнь пропитаюсь этим горьковатым запахом. Но все же молодое тело хотело жить, несмотря на ужас, с которым никак не мог смириться разум.

Что-то случилось в мире, если он вот так просто встал с ног на голову. Рациональная часть меня понимала, что все это – дурной сон, который вот-вот должен закончиться, но интуитивно я чувствовала, что все вокруг настоящее.

Мать Радимира приняла мою истерику как должное, сказав, что слезы после пережитого – это хорошо, они очистят, а мне самой непременно нужно все забыть, как страшный сон. «Ты теперь в безопасности, доченька!» – она повторяла это раз за разом, сводя меня с ума. Я из последних сил боролась с желанием заткнуть уши, чтобы не слышать ее негромкого голоса. Почему-то оттого, что голос звучал совсем рядом и был таким... настоящим, полным заботы, все произошедшее казалось чудовищным. Ее голос словно утверждал эту реальность как единственно возможную, и я уже не могла с уверенностью сказать, что не сошла с ума.

Когда я бодрствовала, Добронегга находилась при мне неотлучно, не давая мне ни на минуту остаться наедине со своими мыслями. Она будто невзначай напомнила свое имя, решив, что от потрясения я немножко не в себе. Но самым чудовищным было то, что этого и не требовалось, – я и так ее знала. Хотя «знала» – немного не то слово. Это были очень странные ощущения. Я попыталась вспомнить все, что мне было известно. До того момента мне казалось, что я помню свой текст наизусть, ведь я его писала: каждую строчку, каждую букву... На деле же всплывали какие-то отрывки, кусочки истории – как мозаика. Цельная картина никак не желала складываться. Возможно, я слишком много хотела от своего измученного мозга, ведь, для того чтобы составить общую картину, мне нужны были время, силы и хоть какое-то уединение, а ничего из этого у меня не было.

Едва Добронегга родилась, как была сосватана за старшего брата Всеслава. Суженого довелось увидеть один-единственный раз – за полгода до назначенного на осень свадебного обряда. Улыбчивый Всеволод ей страсть как понравился, и она не знала, как и благодарить Мать-землю за такой родительский выбор. Дни стали светлее, а мир – больше. И каждый восход солнца приближал к назначенному дню. Было ей грустно от близкого расставания с родительским домом, но и ужасно интересно. Немножко страшно. Но это ведь всегда так. Главное – что он будет рядом: высокий, красивый, страсть какой взрослый и сильный, – всем подружкам на зависть. Порой казалось, что это все – сладкий сон, и было страшно проснуться. А ну как ничего этого нет? Да, видно, и вправду была она в те дни как в дреме, раз позабыла, что беспокойно вокруг и враг к родной земле уже который год подбирается. А ей всё мечтания глупые, сны. А сон – он и есть сон. Не хочешь, а все одно пройдет.

За три седмицы до свадебного пира Всеволод погиб в бою – и будто солнце зашло. Добронеге казалось, что жизнь непременно должна закончиться и ничего радостного в ней больше не будет. Было ей в ту пору пятнадцать зим.

А спустя еще полгода прибыли сваты, и вновь родичи Всеволода. Но на этот раз мать украдкой указала на высокого молчаливого юнца едва старше самой Добронеге. Юнец ей совсем не понравился, хоть и был как две капли воды похож на милого суженого. Только что эта схожесть, коль нет той улыбки, от которой сердце замирает, нет тех речей – уверенных, взрослых? Младший брат только и делал, что смотрел в пол да коротко отвечал на вопросы родичей. На то он и младший...

Но родители решили по-своему: по осени сваты прибыли вновь – и простилась Добронеге с материнским домом, оплакала вместе с подружками свою прежнюю жизнь, как испокон веков делалось, и с тяжелым сердцем покинула родной город. Что-то теперь будет? Ни радостного ожидания, ни улыбки родной в конце пути, только страшно да пусто. После шести дней в тряской повозке она увидела высокие бревенчатые стены, выросшие у векового леса.

– Вот теперь твой дом, – сказал тогда старый дядька ее будущего мужа.

А когда из отворенных ворот вышли сам воевода – отец Всеслава – да его родичи, Добронеге вдруг расплакалась, хоть и не должно было. Слезы оставались в материнском доме, а в новый дом входить надобно было с радостью. Но так непохож был этот огромный город за высокими стенами на ее родной, с детства знакомый, что аж сердце защемило. И не было Всеволода, чтобы скрасить улыбкой эту новую жизнь.

Потом Добронеге не раз вспоминала тот день – день, принесший ей счастье быть женой, матерью... быть любимой. Потому что очень скоро дороже Всеслава не стало для нее человека на земле, разве что родители, так те далеко остались, а он – здесь, рядом. Добронеге вошла хозяйкой в просторный, недавно выстроенный дом. Она так ни разу и не спросила, для кого его строили: для Всеволода или же для его младшего брата. Перун распорядился так, что она вошла сюда женой Всеслава. И ни на миг о том не пожалела. Потому что младший – он ведь не значит худший, просто другой. Говорил немного, да все по делу, улыбался иначе, но смотрел так, что Добронеге себя одной-единственной на всем белом свете видела.

Одно худо было: совсем скоро пришлось Всеславу стать воеводой после отца. Да с той поры молодая жена проводила день за днем в уютном тереме одна. Только кто же виноват, что замужество ее совпало с бедой, пришедшей на родную землю? На такое не ропщут. Всеслав бывал дома нечасто и не подолгу: седмицу-две радовал, как солнышко, – и снова одна, пока не появился сынок Радим. И тогда солнышко в доме поселилось навсегда.

Я снова и снова прокручивала смутно знакомые строчки в голове, пытаюсь хоть как-то сопоставить то, что я помнила, с этой сумасшедшей действительностью. Каким-то странным образом меня окружали... придуманные мной герои. Смешно, правда? Но чувство юмора никак не желало включаться в эту игру, а каждая попытка проанализировать ситуацию и найти логическое объяснение произошедшему заканчивалась головной болью и желанием умереть,

не сходя с места. Прямо на этой кровати, пахнувшей сухими травами. У меня даже появилась мысль, что, может быть, я... уже... Вот только я не слышала, чтобы после смерти человек попадал в выдуманный им мир.

У меня не было ни малейшей догадки о том, почему это случилось, и я понятия не имела, как такое вообще возможно, поэтому решила пока принять ситуацию без объяснений. Кому будет лучше, если я сойду с ума от страха? Я попыталась составить некое подобие плана: изучить это место, понять, как много я знаю об этих людях на самом деле и что из моих знаний совпадает с действительностью, а потом... И мой план прочно застопорился на слове «потом». Во всех книгах обязательно бывает «потом». Правильно? Однако в моем случае было одно маленькое «но»: в каждой книге это самое «потом» напрямую зависит от воли автора, а как раз автора у этой истории теперь не стало.

Если говорить о фактах, я знала общую биографию Добронеги, знала, как выглядит дом, в котором она живет, знала, как зовут большешапого свирепого пса во дворе, и я... ничего не знала, потому что передо мной были не одинаковые символы на экране монитора, а люди – разные... живые.

Добронега строго-настрога запретила мне подниматься с постели, сказав, что лучшее лекарство – отдых, поэтому я просто лежала, слушала ее рассказы о людях, которые должны были быть мне знакомы, и пыталась набраться сил. Полузнакомые имена и названия перепутывались в голове, не отзываясь ничем, кроме пульсирующей боли в висках. Наверное, я слишком понадеялась на память и мистические совпадения. А действительность вряд ли будет соответствовать моим представлениям.

Ночью мне снился кошмар, в котором незнакомые люди со смутно-знакомыми именами кричали: «Лгунья! Лгунья! На костер ее!» Я проснулась в холодном поту и, кажется, с криком, потому что в комнату почти тут же вбежала Добронега с кованой лампой в руке и стала говорить что-то ласковое, успокаивающее. Я слушала ее голос, повторяла, что все хорошо, и изо всех сил пыталась отогнать прочь липкий страх, а в голове билось неуместное: «Как здесь наказывают за такой обман? Что мне грозит, когда все раскроется?» С одной стороны, объективно, я никого не обманывала. Это было просто чудовищное заблуждение: они сами решили, что я Всемила! С другой стороны, если дойдет до дела, то вряд ли кого-то будут волновать подобные мелочи.

Мне с трудом удалось убедить Добронегу в том, что все в порядке и со мной не нужно сидеть. Она тихо вышла, а я принялась разглядывать тени на невысоком потолке, стараясь унять сердцебиение. Я получила день отсрочки. Но везение не может длиться вечно. Когда-нибудь мне придется выйти из этой комнаты. Я всхлипнула от жалости к себе. Мне дико захотелось домой. Каждой клеточкой своего тела я вдруг почувствовала, насколько больна, устала и насколько одинока здесь, в месте, которое представлялось мне чуть ли не райским садом.

А утром пришел Радимир. Добронега, услышав повизгивание пса во дворе, счастливо улыбнулась и сжала мою ладонь:

– Радим.

Она произнесла это имя словно музыку.

Теперь я знала, кто он, и не сказала бы, что это новое знание приносило утешение. Воевода Свири. Человек, отличавшийся горячим нравом, скорый на суждения и расправу. Ну что мне мешало придумать его милым и кротким? Реалистичности мне хотелось!

Я – почти в лицах и деталях, как при написании очередной сцены, – увидела нашу встречу. Вот он войдет, окинет меня одним-единственным взглядом и спросит: «Кто ты?» И то, что он принял меня за сестру, окажется просто недоразумением, виной которому предрассветные сумерки. Ведь ночью все кажется иным, искаженным. Одного я не могла придумать в этой сцене: что ему ответить. Как объяснить то, чего я сама не понимала?

В глубине души тлела слабая надежда на помощь Добронегии. Заботилась же она обо мне. Да и Улеб не сказать, что был категорично против меня настроен. Впрочем, что их слова против слова воеводы? Хоть и был он сын Добронегии, а Улеб его, было дело, на колене качал да в первый раз – совсем мальчонкой – на боевого коня сажал. В этот миг в мозгу что-то вспыхнуло: какое-то знание. «Есть человек, который мог бы помочь... который...» Мысль так и не оформилась, а головная боль тут же заняла привычное место. Я сжала виски холодными пальцами. Ну когда же он уже войдет?! Сколько можно?!

Сначала я услышала его голос, такой же хриплый и сорванный, каким он запомнился мне на корабле. Я невпопад подумала, что это, наверное, оттого, что ему приходится часто перекрывать шум битвы, грохот моря... Мысль об этом добавила нереальности происходящему. Он о чем-то спорил с Добронегией, а я чувствовала, как леденеют ладони. Вот сейчас все закончится. А потом Радимир шагнул в комнату, и она вдруг стала маленькой и будто ненастоящей. Как декорации в плохом спектакле.

Я-то думала, что в нашу первую встречу на корабле он показался мне таким огромным, потому что у страха глаза велики, но сегодняшним солнечным утром в уютной комнате он не казался менее внушительным, чем в предрассветных сумерках на раскачивающейся палубе боевого корабля. И то, что на нем была простая светлая рубаха, а на поясе не было ножа, почему-то не делало его менее страшным. Наоборот. Вот сейчас он присмотрится и... Я не успела продумать это «и», потому что меня скрутил приступ кашля. Отвары Добронегии помогали гораздо медленней, чем мне хотелось бы. Я согнулась пополам, зажав рот ладонью и в мгновение ока забыв обо всем, кроме раздражающей боли в груди и горле.

Когда кашель наконец прекратился, я подождала несколько секунд, держась за грудь, а потом осторожно выпрямилась, отбросила с лица челку и смахнула выступившие слезы.

– Выпей, на вот.

Моих губ коснулась кружка. Жесткая ладонь легла на мой затылок, слегка надавливая, и мне пришлось сделать большой глоток теплого отвара.

– Спасибо, – я чуть оттолкнула кружку, не поднимая глаз.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом я услышала глухой стук кружки о крышку сундука, большая ладонь вдруг коснулась моего лица, провела по щеке, по подбородку, заставляя приподнять голову. Я поняла, что рано или поздно это все равно случится и я не могу оттягивать этот момент до бесконечности. Наши взгляды встретились. Затаив дыхание я смотрела в карие глаза и ожидала развязки, чувствуя себя при этом героиней второсортной мелодрамы, которой режиссер забыл сказать, что ждет ее в финале.

Минута, другая. Мое сердце глухо стучалось о ребра. Медленно и громко. Так громко, что Радимир непременно должен был услышать этот звук. Мне казалось, прошла целая вечность, и все это время он смотрел на меня без улыбки, не убирая руки с моего подбородка.

Вот сейчас все решится. Заботу и заблуждение Добронегии можно было списать на ее возраст, волнение да просто на самообман, но Радимир... Он же нормальный. Он заметит. Ну невозможно же принять чужого, постороннего человека за того, кого знал всю жизнь!

В какой-то момент этой бесконечной игры в гляделки я поняла, что просто устала бояться. Я почти хотела разоблачения. Нет, я не думала в тот миг о своей героической или не очень героической гибели в этих странных декорациях или о непонятной и странной жизни в них же – просто хотела определенности.

– Дома, – наконец глухо проговорил Радимир, продолжая вглядываться в мое лицо.

От звука его голоса мгновение рассыпалось на тысячи осколков. Я вздрогнула и на секунду зажмурилась. Ничего не будет? Ни кары, ни возмездия? Каким-то чудом этот человек, который просто не мог обознаться во второй раз при болезненно ярком солнечном свете, вдруг снова ошибся. Я почти физически ощущала, как натянулась ткань Мироздания, словно сопро-

тивляясь, еще пытаюсь восстановить справедливость. Я подняла к нему лицо. Ну же! Смотри! Я не она!

В его взгляде что-то дрогнуло. Сильная рука снова погладила меня по волосам. Жест был отеческим, братским, и в нем было столько нежности, что я опустила голову. Я не могла с этим спорить и не могла это побороть. Он верил, и всё. А против веры я была бессильна.

Позже он сидел на низкой скамье и негромко рассказывал о... щенках, которых принесла его собака. Тема разговора была настолько нелепой и настолько правильной, что мне оставалось только время от времени кивать и улыбаться. В тот момент, когда я очнулась и впервые услышала речь Добронегги, я поняла, что мне нужно по возможности молчать. Нет, здешняя речь не была непонятной или незнакомой, что отдельно меня удивило, – вероятно, дело было в том, что этот мир (хоть я до сих пор с трудом это принимала) был выдуманной мной, имеющей весьма слабое представление о реалиях столь отдаленных. И все же речь была немного иной. В ней звучали слова, смысл которых я понимала, но которым в моем мире уже не осталось места, и это заставляло меня чувствовать себя в Свири иностранкой. И если Добронегга списывала все странности моего поведения на пережитое потрясение, то мысль о том, что Радимир в шаге от разгадки, заставляла меня молчать, улыбаться и впитывать этот мир каждой клеточкой своего тела. А впитывать было что.

С каждым словом Радимира мир оживал, расцветал и бил красками до всполохов под зажмуренными веками. Он говорил негромко, словно опасаясь силы своего голоса, и движения его были осторожны и скованны. А я смотрела и смотрела, не отрываясь, фиксируя каждую черточку.

Радимир оказался совсем таким, каким я его представляла. Только за строчками не было видно сеточки морщин вокруг глаз и жесткой складки у рта. Я быстро посчитала в уме: в моем тексте ему было двадцать шесть. Я не была уверена в том, насколько детальны совпадения, но этот Радимир казался немножко старше, чем был в том – ненастоящем – воплощении. Он много улыбался и иногда совсем по-детски взмахивал руками, и я отмечала каждый жест, отзывавшийся в мозгу... узнаванием.

Время от времени он смотрел на меня как на что-то драгоценное и неожиданно обретенное. В такие минуты я отводила взгляд, потому что не знала, что должны выражать мои глаза. Потом он замолчал. Так внезапно, будто выключили звук. Просто молчал и вглядывался в мое лицо. На какой-то миг я испугалась, что сейчас все же прозвучит вопрос: «А где же та, настоящая?» И я не знала, что будет страшнее: разоблачение или необходимость рассказать то, что знаю о той... настоящей. Но в комнату вошла Добронегга, и вопрос так и не прозвучал. Она улыбнулась, потрепала Радимира по волосам и обратилась ко мне строгим голосом:

– Утомил тебя, поди?

– Нет, – я покачала головой и тоже улыбнулась.

Добронегга положила ладони на виски Радимира и поцеловала его в макушку.

– Олег там зашел, – произнесла она, еще раз погладив сына по голове, и бросила на меня быстрый взгляд.

Радимир посмотрел на меня, улыбнулся чуть виновато (или так только показалось?) и произнес:

– Я пойду. Завтра еще приду. Буду ходить, пока не надоем.

– Ты не надоешь, – повинуюсь какому-то порыву, ответила я.

Он улыбнулся, обнял меня и провел ладонью по моим волосам. На миг его взгляд потемнел. Он дернул плечом и, быстро обняв мать, вышел из комнаты. Добронегга проводила его взглядом, вздохнула и покачала головой. Я молча откинулась на подушку, гадая о причинах их переглядываний. В моем мозгу вновь мелькнула ускользающая мысль. Что-то здесь было важное. Только что? Что-то, требующее внимания. Но, кроме усилившейся головной боли, я так ничего и не добила. Я выпила горький отвар, вновь откинулась на подушки, пережила

два приступа кашля и принялась думать о том, что Радимир так ничего и не спросил. Более того, в ответ на мою осторожную попытку выяснить, что же произошло в ночь, когда меня подобрали, он замкнулся и заговорил о младшей дочери Улеба, второй раз ставшей матерью. То, как он это говорил, натолкнуло меня на мысль, что дочь Улеба – подруга Всемилы и что от меня требуется определенная реакция. Попытки соответствовать ситуации отняли последние силы, и разговор о моем возвращении сам собой сошел на нет.

Радимир и вправду приходил каждый день. Иногда дважды в день. Добронега шуточно ворчала, но я видела, как светится ее лицо при взгляде на нас. Я подумала, что она все-таки счастливая женщина, потому что вряд ли Радимир разыгрывал заботу о младшей сестре. Значит, он всегда вел себя так по отношению ко Всемиле. Это открытие совпадало с тем, что я знала о нем, но все равно наблюдать это воочию было странно. И я видела, что Добронега гордится детьми. А то, что она относилась ко Всемиле как к родной, не вызывало никаких сомнений. Я попыталась вспомнить, были ли среди моих знакомых такие теплые отношения между братьями и сестрами, и не смогла. От этой мысли стало грустно, а еще страшно, потому что я знала правду о судьбе Всемилы.

За все эти дни Радимир ни разу не заговорил о произошедшем. Будто ничего не случилось. Будто его сестра просто вышла погулять и вернулась чуть позже, чем ее ждали. С одной стороны, такое положение вещей меня устраивало, потому что объяснить необъяснимое я не могла, а с другой стороны, были вещи, которые уж совсем невозможно было игнорировать. Ну, допустим, на мне было длинное простое платье, но ведь на мне еще был, простите, купальник. Их это не смутило? Вообще, мысль о том, что меня, находившуюся без сознания, раздевала толпа незнакомых мужчин, не вызывала у меня восторга. Нет, я, конечно, понимала, что здесь нагота воспринималась иначе, но я выросла несколько в других условиях.

– Улеб, а как вы меня нашли? Простор-то какой. Да ночью, – решила я попытать удачу с пришедшим меня проведать соратником воеводы.

Тот горько усмехнулся, провел ладонью по бороде, а потом посмотрел прямо в глаза:

– Простор, говоришь? Да мы каждую каплю в этом море веслами прошли, каждый камешек на берегу руками перебрали. Той ночью боги чудо сотворили. Я сперва про ловушку подумал. Не верил, дурень старый, что это взаправду. А Радиму все одно было: ловушка или нет. Еле удержали. И то потому лишь, что Олег, бедовая голова, за борт сиганул. Радимир ведь умом чуть не тронулся, как ты пропала. Мы день за днем искали. Только потемну и переставали. А он и тогда все искал. То, что ты вернулась... это не только сама спаслась – его спасла. Страшен он был это время. Точно смерти искал.

Улеб ушел, а его слова еще долго звучали у меня в голове. Радимир искал сестру... Несмотря ни на что. Настолько любил? Исходя из того, что я увидела за последние дни, я поняла: да, любил настолько сильно, что искал мести или... смерти. Мне трудно было осознать подобное, но в его взгляде словно что-то загоралось, когда он смотрел на меня. А еще – и это меня необъяснимо пугало – в том же взгляде порой проскальзывала такая лютая ярость, что мне хотелось сжаться и спрятаться. Я понимала, что направлена она не на меня. Но от мысли о том, что способны сотворить такие эмоции, позволь Радимир им вырваться, меня пробирала дрожь. Ведь этот мир не был бутафорским. Здесь боль была настоящей, и кровь тоже. Я пыталась как-то успокоить его, делала вид, что все хорошо, все позади. Но в такие моменты он не сразу мог смирить гнев: дышал прерывисто и резко, а мозолистая ладонь до боли сжимала мою руку. Неужели все в этом мире так мстительны? Ведь он считает, что Всемила уже несколько дней как дома. К чему столько эмоций? Откуда ненависть?

Ответ нашелся сам собой. Как-то вечером я услышала собачий лай, и Добронега пошла загородить пса, чтобы пропустить гостя во двор. Приподнявшись на постели, я с любопытством наблюдала через окно за молодой девушкой, о чем-то разговаривавшей с Добронегой. Я пока еще мало вставала с постели. Делала короткие прогулки по необходимости. Например, до туа-

лета, располагавшегося недалеко от дома. Летом – это, конечно, экзотика, но как пользоваться этим зимой, думать не хотелось. А еще до бани. Хоть Добронега и ворчала, что лучше бы мне и мыться, и «по нужде ходить» прямо в доме, но я так не могла.

И вот сейчас я с интересом разглядывала девушку, одетую в длинное светло-серое платье, украшенное, кажется, каким-то узором: с моего места было плохо видно. Широкий пояс перехватывал платье в талии. На ногах девушки красовались кожаные башмачки. У меня самой были такие, и они пришлись на удивление впору. Еще больше удивило то, что обувь оказалась удобной, только непривычной: через тонкую подошву чувствовался каждый камушек. Но через какое-то время я просто перестала обращать на это внимание. Из одежды Всемилы я пока надевала лишь ночную рубашку да шаль, поэтому, впору ли мне остальные ее вещи, сказать не могла. Зато успела заглянуть в соседнюю комнату, оказавшуюся чем-то вроде швейной мастерской, игровой и гардеробной в одном лице. У Всемилы было много нарядов, некоторые – из тяжелой парчи, расшитые чудесной тесьмой, но больше всего мне понравились простые длинные платья – повседневная одежда, которая, несмотря на свою простоту, должна была выглядеть очень женственной. И взгляд на гостью Добронеги эту мысль подтверждал. Грустно, что в моем времени за мишурой дорогих украшений вещи утратили красоту, присущую естественности.

Девушка что-то сказала, мотнув головой. Ее волосы удерживала лишь лента надо лбом, поэтому ветер, беспрепятственно подхватив длинные пряди, рассыпал их по спине. Волосы у гостьи были чудо как хороши: светлые, прямые и, наверное, тяжелые. А еще в них играло солнце. Жаль, что такую красоту в первую брачную ночь срезает муж. Этот символ девичества был невероятно красивым...

Меня прошиб холодный пот, а рука сама собой метнулась к волосам, наткнувшись на короткие пряди, едва прикрывавшие уши. Я носила стрижку последние пару лет. Значит, вот что так взбесило Радима! Вот о чем он думал, раз за разом проводя по моим волосам! «Надругались».

Река сверкала на солнце и перекатывала быстрые волны через босые ступни. Всемила сидела на сходах и смотрела на свое отражение. Сейчас оно было покрыто рябью, но Всемила и так знала каждую черточку: большие серо-зеленые глаза, длиннющие ресницы, высокие скулы, чуть вздернутый нос. Она красива. Так и мать говорит, и брат. Да и молодые воины тоже головы сворачивают. Только не каждый рискнет к сестре воеводы подойти да улыбку перехватить. Тем более просватана она уже десять лет как за княжеского сыночка. Видела того сыночка по весне – не пришелся по нраву. Ну а кому бы пришелся? Всемила передернула плечами, нахмурилась и, задумавшись, принялась накручивать на палец выбившуюся из косы прядь. Свадьба была назначена на праздник урожая – еще все лето впереди. Глядишь, уговорит Радима, упросит. Не может он ни в чем ей отказать. За то Злата, Радимова жена, и ненавидит. Ей столько внимания, поди, ни разу не доставалось. А потому что жена – это жена, а она, Всемила, единственная, молодшая и самая любимая.

Камешек ударился о водную гладь рядом с ногой и поскакал по волнам. Ярослав... Только он может вот так подкрасться и напугать. Хотя не испугалась ничуть, потому как ждала. Не все воины воеводы Радимира трусливы и осторожны – Ярославу нипочем ни гнев воеводы, ни сватовство назначенное.

– Ножки не застыли?

– Застыли, – улыбнулась Всемила, оборачиваясь.

Хорош Ярослав. Ой, хорош! Высокий, плечистый. Радиму под стать. Только не хмурится так часто, как брат, а улыбкой сияет, что солнышко. Кудри по ветру. И на сердце аж сладко от одного взгляда на него.

– А давай до Лысой горы пройдемся? Заодно согреемся.

– Тоже ноги застыли, что ли?

– Сам застыл. Не видел тебя с заката – вот и застыл.

Кровь бросилась в лицо, но Всемила дерзко улыбнулась:

– А пойдём!

Обувшись, она потянулась к лежащему тут же венку из одуванчиков. Первые цветы – самые яркие. Как она сама. Так, кажется, Ярослав третьего дня говорил. Теплая рука перехватила ладонь, взяла веночек, надела ей на голову.

– А говоришь, застыл – руки вон горячие, – непослушными губами произнесла Всемила.

– Так тебя увидел и отогрелся.

Мозолистые пальцы скользнули по ее щеке.

Лысая гора была на том берегу. Кажется, близко – можно докричаться, но мало кто туда хаживал, хоть и места там были ягодные да грибные. А потому что тот берег Стремны – чужая сторона. Опасная. Жить там никто не жил. Кто ж в лесу поселится? Кроме как по мосту, попасть туда можно было разве что с моря. Лысая гора некогда была продолжением другого берега Стремны, да века назад откололась, соединяясь с Большой землей теперь лишь мостом, что выходил к поляне перед воротами Свири, да каменным перешейком, что упирался в крутой склон дальнего берега. Тот перешеек заливало в высокую воду, а по низкой воде он щетинился острыми камнями так, что ни пешим не одолеть, ни на лодке не пристать.

Уж если ты с моря да с добром пришел, так зачем тебе Лысая гора, когда недалеко от ворот свирских берег срезан да сходни сделаны? Тут и пристать можно, да и встретят тебя как полагается, коли с добром. А коли со злом – так не пройти тебе ни по реке дальше, ни по земле. На то Свирь здесь когда-то и выстроили.

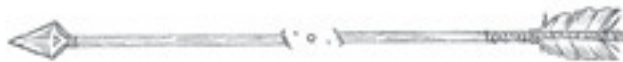
Одна бы Всемила на тот берег ни за что не пошла. Хоть и год как войны нет, а все одно боязно. Да и Радим не велел. Узнает – то-то браниться будет. Всемила обернулась. Часового на башне не было – некому брату донести. Сегодня в городе гулянье, и дружинники обходят стену, а не стоят на каждой башне, как всегда. Мир ведь сейчас. А все Радим. С миром вернулся из похода, из которого своего Олега привез. Всемила нахмурилась, но тут же тряхнула головой. Вот еще – прогулку себе портить. Быстро взглянула на другой берег. Одной было бы боязно, а с Ярославом хоть на край земли.

– А давай через мост бегом, пока никто не видит, – вполголоса предложил Ярослав.

А в глазах блеск. Опасный блеск. Сердце снова подскочило. Что-то будет?

– А давай!

Легкие девичьи ноги споро двигались по раскачивающемуся мосту. Прочь от высоких стен навстречу лесу. И ничто не насторожило ни в плеске воды, ни в дыхании за спиной.

В той сказке рассвет отликает золотом,
Так, что почти невозможно смотреть.
Там пахнет мятой, смолой и солодом,
Там дышится, верится, хочется петь...

Но если вдруг в мире игрушечно-правильном
Повеет сказочной страшной бедой
И он станет серым, пустым, оплавленным...
Ты просто глаза покрепче закрой.

Глава 6

Наряды Всемилы все же были мне чуточку велики, хотя идеально подходили по росту. Надевая ее вещи, я чувствовала себя по меньшей мере странно. Как будто примеряла чужую жизнь, которая неожиданно приходилась мне впору. Ткань была грубой, и сперва я всерьез решила, что не смогу носить эту одежду, но время показало, что очень даже смогу. И привыкну, и перестану замечать отсутствие пуговиц и неудобную длину, и научусь с первого раза застегивать красивые браслеты на запястьях и завязывать вышитые пояса. Но это все будет потом.

Пока же я бродила среди старинных предметов, прикасаясь к ним, точно к живым. Костяной гребень с резными завитушками, атласные ленты, отливавшие разными цветами в дневном свете, широкие браслеты, удерживавшие рукава на запястьях, обувь из мягкой кожи... В комнате, соседствующей со спальней, стояли кованые сундуки: у Всемилы было много нарядов и украшений. Ни в чем не знала отказа любимая сестра воеводы.

Как все-таки много можно понять о человеке по его вещам! Комната Всемилы говорила о том, что ее хозяйке были присущи легкомысленность и непостоянство. На столике – порванная нитка бус, часть бусин рассыпалась по полу. На стене – кованный подсвечник, и с него давным-давно стоило бы снять огарок свечи. Тряпичная кукла с одной пуговкой вместо глаза, на месте второй пуговки лишь обрывок темной нитки. На небольшом столике у окна – салфетка с не до конца вышитым цветком и четким следом, оставленным пальцами. А рядом еще одна салфетка, но уже с каким-то орнаментом. И пальцы теперь на ней. Тут же – крашенные нитки, брошенные небрежным мотком.

Взяв в руки пальцы, я обвела пальцами край узора. В него была воткнута иголка с ярко-красной ниткой. Все в этой комнате было так, как оставила Всемила... Словно она вышла на минутку и вот-вот вернется, привычно коснется вещей, будет примерять новый наряд, перебирать украшения... Мой взгляд снова вернулся к салфетке. Некстати подумалось, что этот орнамент так и не будет закончен. Я зажмурилась и опустила на большой сундук, продолжая сжимать в руках вышивку. Подол зацепился за какой-то выступ. Чуть подвинувшись, я посмотрела вниз. На сундуке висел большой замок, единственный во всей комнате. Сундук с приданным? От этой мимолетной мысли все внутри болезненно сжалось. Оно никогда ей не пригодится.

Я отложила пальцы, словно обжегшись, потом встала и отошла прочь от этого сундука, от незаконченной вышивки. На невысоком столике стоял сундучок с фиалами мутного стекла, и, чтобы как-то отвлечься, я рассеянно достала один из них. В качестве благовоний здесь использовались душистые масла. От Добронегии пахло корицей и какой-то травой, запах был очень домашним и успокаивающим. А вот теперь передо мной стояли фиалы с любимыми запахами Всемилы. Я открывала их один за другим, подносила к носу и невольно морщилась. Определенно мы были очень разными. От сладких и тяжелых запахов у меня разболелась голова. Последний фиал был полным. Открыв его, я удивилась. Запах разительно отличался от всех предыдущих. Он был легким и свежим. Оставляя на своей коже след духов из другого времени, я вдруг подумала, что отчасти смирилась. Наверное... Хотя мне по-прежнему было неуютно в комнате, где каждая вещь, казалось, смотрит на меня с упреком.

Если Добронегу и удивляло то, что я так мало времени провожу в покоях Всемилы, она не подавала виду. Она вообще принимала все мои странности как данность. Большую часть времени я находилась в просторной комнате, где мы обедали. Делать здесь тоже было нечего, но меня отчего-то успокаивал вид беленой печи, вышитых рушников и пузатых горшков на полках. В покои Добронегии я входить не решалась, хотя она ни словом не обмолвилась, что была бы этому не рада. Зато я заглянула в старые покои Радима.

Сперва, заметив еще одну дверь в комнате Всемилы, я не придавала ей большого значения. Подумала, что там тоже что-то вроде гардеробной или кладовой. Но однажды мне показалось, что из-под двери тянет сквозняком, и я решила проверить, что там. На кладовую комната оказалась совсем не похожа. Здесь тоже был минимум мебели: кровать, пара сундуков и несколько полок на стенах. То, что эти покои – мужские, было заметно сразу. Вместо вышивок – деревянный меч, вместо куклы – круглая металлическая бляшка, испещренная зазубринами, словно некогда крепилась к боевому щиту. Ржавый наконечник от стрелы, рогатка, какие-то камушки – сокровища мальчишки из этого мира. Я не успела толком все тут рассмотреть, как услышала шаги Добронег. Оказалось, что отсюда есть еще один выход и ведет он как раз в ее покои. Дом был построен так, что три жилые комнаты и обеденная располагались вокруг печи, служившей его центром. Комнаты Добронег и Радима выходили на задний двор, Всемилина же и обеденная – на передний. Я поспешила вернуться к себе, на случай, если Всемиле не разрешалось заходить в комнату брата.

Наконец настал день, когда приступы кашля почти прекратились, и Добронег перестала ворчать из-за моих попыток выбраться на улицу. Впрочем, привлекать меня к ведению домашнего хозяйства она все еще не спешила. С одной стороны, меня это радовало, потому что я сомневалась, что справлюсь тут хоть с чем-нибудь. С другой же, меня мучила совесть, потому что я не привыкла бездельничать. Добронег быстро подметила перемены в моем настроении и как-то вечером дала поручение: потолочь в ступке какой-то корень, а потом что-то размешать и разложить по горшочкам. Наслаждаясь запахом трав, успокоенная мерным постукиванием пестика и шумом летнего дождя за окном, я подумала, что, пожалуй, здесь было... хорошо. Гораздо лучше, чем могло бы быть.

Спустя какое-то время я поняла, что уже не путаюсь в именах и могу с ходу понять, о ком говорит Добронег. Я привыкла к визитам Радима и ловила себя на мысли, что жду их. Привыкла к его улыбкам и хриловатому голосу. Я потихоньку приживалась здесь, в этом доме, но при этом прекрасно осознавала, что настанет день, когда мне придется выйти за ворота, а я понятия не имела, что ждет меня там.

В рассказах Добронег, Радима, Улеба очень часто всплывало одно и то же имя. Я бы, может, и не обратила на него внимания, если бы оно каждый раз не звучало как-то второпях, словно скомканно. Будто предназначалось не для моих ушей. В такие моменты мне становилось не по себе. «Олег» – я снова и снова прокручивала это имя в голове. Вертела и так и этак. И странное дело: в моем мозгу не всплывало ни одной ассоциации. Это было настолько непривычно, что я начинала нервничать. Попытки вспомнить об этом человеке хоть что-нибудь заканчивались приступами головной боли. В такие минуты мне хотелось поскорее выйти отсюда, увидеть наконец эту местную легенду и хоть что-то о нем вспомнить. «Местной легендой» я окрестила его с издевкой, потому что, как бы быстро ни сворачивались эти разговоры, упоминался он всегда в контексте: «...только к Олегу Радим и прислушался...», «...только Олег и смог убедить...», «...если бы не Олег, не было бы нашего Радимушки...» Меня это задевало. Сложно было представить, что кто-то еще способен оказывать такое влияние на грозного воеводу – в этой роли я видела только Всемилу. А еще интриговало то, что хваленый побратим воеводы так ни разу и не навестил его чудом спасшуюся сестру. Не чужая же ему. Немного примирял с этим тот факт, что жена Радима тоже ни разу не зашла.

Все разрешилось в один из дней. Спускаясь по широким ступеням крыльца, я привычно чувствовала, что сказка ожила. Здесь были звуки и запахи, которых никогда не встретишь в большом городе. Да, пожалуй, и в деревне двадцать первого века тоже не встретишь. Большой двор, уголок которого был виден из покоев Всемилы, раскинулся, как картинка из книжки про Древнюю Русь. Деревянный забор, массивные скамьи вдоль стены дома, скрипучие ступени крыльца под ногами. Пахло деревом и скошенной травой. И еще чем-то очень непривыч-

ным. В первое мгновение при выходе на улицу у меня каждый раз начинала кружиться голова. Наверное, от нереально свежего воздуха.

Летнее солнце внезапно выскользнуло из-за тучи, заставив зажмуриться. Я остановилась, впитывая тепло кожей, чувствуя, как меня накрывает спокойствием. Открыв глаза, я огляделась. Во дворе рос раскидистый дуб, и я с привычным удивлением поняла, что знаю – если обойти его, то с противоположной стороны в нем окажется большое дупло. В этом дупле прятался маленький Радимир, а позже Всемила устраивала там тайник.

Двор был окружен высоким глухим забором, и я знала, что такие же заборы окружают все дома в Свири.

Соседей я не видела, но по звукам определила, что слева, если стоять спиной к дому, уже улица, а забор справа является общим с соседским двором. Там порой рычал пес, звенела колодезная цепь, смеялись дети. Вдоль этой части забора с нашей стороны в ряд выстроились баня, сеновал и какие-то хозяйственные постройки, в которые я пока не заглядывала. Самой последней, ближе всего к дому, в углу двора уютилась уборная. Позади дома находился небольшой палисадник, где росла пара каких-то плодовых деревьев, между которыми была натянута длинная бельевая веревка. Такие же веревки тянулись от обоих стволов к забору. Еще позади дома возвышался небольшой, поросший травой холм. С одной его стороны прямо в землю была утоплена массивная деревянная дверь с большим кольцом вместо ручки. Холм напоминал домики сказочных существ из скандинавских легенд. Я так и представляла, что где-то там, под нами, живут маленькие любопытные тролли или гномы. Как-то, оставшись одна, я не смогла сдержать любопытства и решила открыть дверь. Не знаю, на какую богатырскую силу она была рассчитана, мне она покорила лишь с пятой попытки, и то с трудом. За дверь оказались земляные ступени, уходившие в темноту. Пахло сыростью и квашеной капустой. Я справедливо решила, что это погреб, и, разумеется, одна туда не полезла. Следующие десять минут я пыталась закрыть так опрометчиво открытую дверь. Сперва меня удивило то, насколько она тяжелая, а потом я вспомнила, что Свирь – застава, и, вероятно, погреб предназначался для укрытия на случай появления в городе врага. Мне стало интересно, приходилось ли пользоваться этим укрытием хотя бы раз? Почему-то этот мир, несмотря ни на что, все еще казался мне немного ненастоящим.

Еще мне очень нравился колодец, который поскрипывал цепью напротив бани, недалеко от дуба. Он был глубоким и немного сказочным. Отчего-то в голову всегда лезло: видны ли из него днем звезды? И, возможно, когда-нибудь я набралась бы храбрости спросить об этом у Радимира: он, будучи ребенком, однажды туда свалился.

Кот потерял о мои ноги, и я поплотнее закуталась в шаль Всемилы. . . Скрипнула калитка, и сразу за этим звуком послышались звон собачьей цепи и повизгивание.

– Отстань, Серый. Измажешь, ну! Пошел!

Голос был мне незнаком. Но это и неудивительно. Здесь все голоса были мне незнакомы. Во двор вошла девушка. Она была высокой и статной. А еще очень красивой. Такой красотой, которую не встретишь в привычном мне мире. «Ее можно было бы назвать полной, но только не полнота это, а здоровье», – внезапно подумалось мне. Все в ней дышало здоровьем и силой.

– Ну, здравствуй, – голос оказался звучным. А еще в нем совсем не было приветливости.

Девушка прошла через двор и поставила корзинку на ступеньку крыльца:

– Что молчишь? И меня не узнала? Добронега сказывала: ты теперь можешь не узнавать, – девушка попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

– Почему же? Узнала. Ты – Злата.

Мой тон против воли стал неприязненным. Я вдруг подумала, что эта Злата совсем не соответствует знакомому мне образу. Я ее знала милой и любящей, а эта девушка была надменной и злой. Во всяком случае, во взгляде серо-зеленых глаз не было и тени доброжелательности.

- Наделала ты делов, – с укором произнесла она.
- Ты к Добронеге? – перебила я. Мне совсем не хотелось ее выслушивать.
- Как же! Радим велел тебе пирогов напечь да передать, чтобы поправлялась быстрее.

И тут меня словно озарило: Злата ненавидела Всемилу. Ревновала? Возможно. Ведь Радимир души в сестре не чаял. Но как же быть теперь мне? Я вдруг осознала, что понятия не имею, как они общались друг с другом. Насколько скрытой была эта неприязнь?

– Радим чуть с ума не сошел, – в голосе Златы слышались злость и усталость. – Ночами проклятый лес прочесывал, в сечу рвался кваров рубить. Чуть голову не сложил. И все почему? Потому что тебе погулять вздумалось! Ну что? Нагулялась? Косу-то сразу срубили? Небось, в тот же день? И как теперь замуж пойдешь? Квары-то натешились да выбросили...

– Думай, что мелешь! – голос Добронеге эхом разнесся по двору. – Да о Радиме вспомни, его пожалей!

– Не нужно! – тихо проговорила я, на миг оглушенная словами Златы.

И хоть не было моей вины в том, что произошло, стало тошно и стыдно за глупую девчонку. А еще стало страшно, потому что я знала, что было на самом деле. И вдруг впервые меня посетила мысль: а правда ли то, что здесь нет моей вины? Я же это написала...

Всемила так и не поняла, что произошло. Еще мгновение назад она, смеясь, убегала от Ярослава, уворачивалась от жадных рук, забираясь все глубже в лес, но вот уже чья-то мозолистая ладонь зажала рот, а на шею накинута веревка.

– Попалась, голубка, – радостно проскрежетал над ухом незнакомый голос. – Давно бы так. Теперь-то уж все по-другому пойдет.

Всемила в ужасе застыла, не веря в происходящее. Руку больно заломили. Так больно, что на глаза сразу навернулись слезы. Ни разу в жизни никто не делал ей больно, ни случайно, ни, храни боги, намеренно. Да Радим любого бы голыми руками за сестру порвал. И порвет непременно. Вот только узнает, кто этакую шутку злую выдумал...

Она отчаянно завертела головой и попыталась сморгнуть слезы. Взгляд упал на Ярослава. Не одна. Так и знала, что не одна. Сейчас все закончится! Только Ярослав почему-то не пытался прийти на помощь и не улыбался больше. Да и вдруг оказалось, что он совсем не так красив в этой густой лесной тени, вдали от родных стен. Но страшно пока не было. Это все шутка. Ведь свои же люди. Не могут причинить они вред. Это же не квары бессердечные. Это – свои... Князьи люди.

– Да на что ты ее потащишь? – вдруг прозвучал новый голос.

– Потешиться, – ответил первый с той же радостной злобой.

– Девочек тебе мало, что ли? Что велено было?

– И то верно. Прости, красавица. Хотел тебе еще денечек отпустить. Да не судьба, уж не обессудь.

Первый взмах ножа – совсем не шуточного – обдал холодом шею.

– Держи косу – воеводе пошлешь.

Она проследила взглядом за тугой косой, в которой запутался ярко-желтый одуванчик. Ярослав перехватил косу и, будто плеть, начал наматывать себе на кулак. Вновь посмотрев на его лицо, Всемила поняла, что это все взаправду, и взгляд его черных глаз вдруг показался чужим и недобрим. И как она раньше это проглядела? Почему глаза обманули? Почему сердце не подсказало?

Ярослав смотрел зло, продолжая медленно наматывать косу на кулак. Всемила попыталась повернуть голову, почти ожидая увидеть просвет в деревьях и тот берег Стремны. Высокие стены родного города. Там Радим, там никто не обидит. Да куда там? Далеко в лес забежала, заигравшись, доверившись. Вот тогда ей наконец стало страшно. По спине пополз озноб, и грудь сдавило точно обручем. Но закричать она так и не успела.

Короткий взмах все того же ножа – и свет померк для нее навсегда.

Слова Златы не шли из головы, и я вышагивала по двору, не в силах успокоиться. Обида заставляла щеки гореть. Ведь ни слова правды не было! И все же жгучий стыд не давал оставаться на месте, заставляя ходить и ходить как заведенная. Хуже всего было то, что Злата была отчасти права. Всемила сама шла навстречу беде. И в том, что случилось, виновата лишь ее легкомысленность. Но подспудно не давало покоя то, что все вышло бы по-другому, напиши я иначе...

Я вздохнула и попыталась успокоиться. Злата и Добронеге едва не поругались. Злата извинилась, конечно, но от этого я чувствовала себя только хуже. Потому что было ясно, что извинялась она исключительно ради Добронеге, с которой у нее сложились хорошие отношения. Ко Всемиле же Злата очевидно не испытывала никаких теплых чувств. Возможно, она и была права в своих суждениях, только мне теперь от этого не легче. Я не знала, как себя вести, а еще до ужаса боялась, что теперь из-за меня может начаться разлад. Добронеге велела Злате «пожалеть Радима». Эта фраза вертелась в голове и не давала покоя. Почему пожалеть? Из-за того, что взбалмошная сестра непременно побежит жаловаться и ему придется ее успокаивать? Или же есть другая причина?

Мысли путались и насакивали друг на друга. Я металась по двору, как зверь в клетке, словно наверстывала долгие дни лежания в постели. Над головой шелестели листья дуба, у ворот на кого-то непрерывно рычал пес, а я все думала о том, что никто из них не знает правды, и я понятия не имела, как об этом сказать. Ведь никто никогда не поверит. А еще я не могла перестать думать о том, что должен был почувствовать Радимир, получив срезанную косу сестры. Думала о нем в первый раз не как о персонаже, а как о человеке. О живом человеке! Все, как один, утверждали, что он «чуть умом не тронулся». Он искал! Каждый день искал! Пару дней назад я пыталась выяснить у Добронеге, когда это все произошло. Учитывая то, что все старались уберечь Всемилу от плохих воспоминаний, задача оказалась непростой, но в итоге я поняла, что прошло около двух месяцев беспросветного горя и безнадежных поисков. Я сжала виски. Перед глазами стояло лицо Радимира, каким я увидела его там, на корабле. На нем отражалось недоверие и сумасшедшее счастье. А еще я помнила, какими бережными были его руки, как дрожали.

Сама не понимая, что делаю, я бросилась к калитке на заднем дворе. Мне нужно было увидеть Радимира, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, что он оправился от всего этого, что Злата не рассказала ему о произошедшем сегодня, потому что мне внезапно захотелось уберечь брата непутевой Всемилой от всех невзгод.

Когда-то давно, когда идея романа только пришла мне в голову, я начертила схему Свири. Тогда это казалось мне забавным. И сейчас я почти не удивлялась, узнавая нужные повороты. Они странным образом совпадали со старыми обозначениями, набросанными на простом листке в клетку. Но сейчас мне было не до изучения окрестностей. У меня была четкая цель.

Я спешила по многолюдным улицам, едва успевая оглядываться по сторонам, и не сразу заметила, что при моем приближении разговоры смолкали. То тут, то там люди останавливались и провожали меня взглядами. Обратив на это внимание, я даже сбавила шаг. Я бы и вовсе остановилась, но мне вдруг стало страшно, что, остановившись, я непременно сойду с пути и уже не смогу отыскать дорогу к дружинной избе. А спрашивать здесь кого-то я бы поостереглась. Ведь для этих людей я – Всемила, Свирь – мой родной город, и я должна знать здесь каждый закоулок. Оказалось, что во взглядах горожан не было дружелюбия и симпатии. Свирицы смотрели на меня кто с осуждением, кто с откровенной насмешкой. Их взгляды то и дело скользили по моим волосам. Я запоздало подумала, что мне следовало чем-то покрыть голову, чтобы моя стрижка так явно не бросалась в глаза – вокруг меня не было ни одной коротковолосой девушки. А потом поняла, что все равно ничего бы не вышло. Головные уборы, укрывающие голову целиком (в голове всплыло старинное слово «кика»), носили только замужние женщины, а накидывать на голову платок в погожий летний день было бы по меньшей мере странно. Да и что можно скрыть в городе, где все друг друга знают с самого рождения? Небось, вся Свирь уже толкует о срезанных волосах сестры воеводы.

Я попыталась унять колотящееся сердце. Ну и пусть смотрят, если им хочется. Пусть думают что хотят. Мне плевать, в конце концов. Я сбавила шаг. Не к лицу сестре воеводы носиться как ненормальной. Ну, это я так думала. Вообще-то, я понятия не имела, существуют ли какие-то правила на этот счет. Одно дело – обрисовывать историю в общих чертах, а совсем другое – чувствовать, как твою спину жгут десятки взглядов, и хорошо, если хотя бы пара из них дружелюбные.

Дружинная изба оказалась из-за очередного поворота совершенно неожиданно. Причем как раз тогда, когда я уже решила наплевать на принципы и вернуться назад. Двор окружал глухой забор, а у ворот стояла охрана – молоденький воин, который разве что не ковырял в носу от безделья. Если и на внешних стенах такие же сторожа, неудивительно, что Всемилу убили прямо под их носом. Увидев меня, он выпрямился, окинул с ног до головы изучающим взглядом и вдруг ухмыльнулся. В голове тут же непрощеной гостьей мелькнула мысль: как я выгляжу в их глазах? Вспомнились слова, брошенные вслед какой-то старушкой: «Болталась невесть где».

– Куда путь держим, красавица? – лениво протянул дружинник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.